

V. СОЦИОЛОГИЯ. ИСТОРИЯ

УДК 930.9 (Р 477.75):[81:39=512.143]

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАРАИМСКИХ ОБЩИН ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО СОХРАНЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ КАРАИМОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Д.А. Прохоров

Крымское отделение Института Востоковедения им. А. Крымского НАН Украины,
пр. академика Вернадского 4, г. Симферополь, АР Крым, 95007
e-mail: prohorov1da@yandex.ru

Целью предлагаемой публикации является всесторонний анализ процесса формирования и развития системы народного образования, социальной модернизации в контексте этнолингвистической ситуации в караимских общинах Крыма во второй половине XIX – начале XX вв.

Ключевые слова: караимское народное образование, мультикультурное общество, Таврическая губерния.

В предлагаемой статье рассматривается деятельность представителей прогрессивных кругов караимской общественности, органов караимского конфессионального самоуправления и, в частности, Таврического и Одесского караимского духовного правления (ТОКДП) в контексте социальных и политических трансформаций в российском обществе конца XIX – начала XX вв. Целью исследования является изучение роли караимского духовенства в вопросах сохранения этноконфессионального самосознания караимов, караимской истории, культуры и религии. Помимо этого, на основании архивных документов проанализированы этапы изменений внутри караимской общины в указанный период. Актуальность данной темы обусловлена повышенным интересом к истории «коренных» и малых народов, национальных меньшинств, населявших ранее «национальные» регионы Российской империи, ныне проживающих в странах СНГ, в контексте проведения мероприятий, направленных на сохранение, изучение и популяризацию их историко-культурного наследия. Это особенно важно для регионов, отличающихся этническим разнообразием, в которых проживают приверженцы различных конфессий.

Статья может представлять интерес для исследователей, специализирующихся на проблеме сохранения национальных языков и культур народов в составе полиэтничного населения в разных территориях, в том числе культуры идиш в Еврейской автономной области (ЕАО), в плане решения этим субъектом Российской Федерации (РФ) задач по сохранению статуса национального государственного образования и национально-культурной автономии. Решение социально-гуманитарных проблем евреев и караимов с учетом их национальных и конфессиональных особенностей является важным этапом по обеспечению сосуществования разных по языкам, культуре и вероисповеданию народов в границах единого государства без проявлений ксенофобии.

После присоединения Крыма к России в 1783 г. караимы включились в активную борьбу за свои гражданские права, главной целью которой стало признание их этноконфессиональной общностью, принципиально отличающейся от евреев-раввинистов. Итогом этой деятельности и многочисленных ходатайств караимских духовных и общественных лидеров перед российским правительством стало то, что в 1837 г. караимы Таврической губернии получили право религиозного самоуправления – в Евпатории было создано Таврическое и Одесское караимское духовное правление (ТОКДП). В 1852 г. для караимов была отменена черта оседлости, и они получили возможность беспрепятственно расселяться по городам России. Дальнейшее внесение корректив в законодательство привело к тому, что в 1863 г. караимы были полностью уравнены в правах с христианским населением России. Постепенная интеграция караимов в российское языковое и культурное пространство обусловила и логичный итог этого процесса: в XIX в. все больше караимов получало государственное образование; среди них появилось значительное число военных, юристов, врачей, педагогов. Следует сказать, что до XIX в. в традиционной системе караимского народного образования существовала только конфессиональная школа («мидраш»), а после образовательных реформ 1870-х гг. была создана сеть русско-караимских министерских училищ (РКМУ), ремесленных, женских, «смешанных» и частных учебных заведений для караимской молодежи.

Однако образовательная и культурная модернизация существовавших в караимских общинах обычаев, правил и установлений имела и свои негативные последствия в контексте сохранения караимами своей религиозной и этнокультурной самоидентификации. Постепенная утрата этнического и конфессионального самосознания вскоре привела к тому, что для большинства представителей караимского населения, проживавших в Российской империи в конце XIX – начале XX вв., общеупотребимым стал русский язык; роль караимско-

го языка, а также «лешон а-кодеш» («священного языка», или древнееврейского, на котором были написаны ТаНаХ и все догматические произведения караимов) постепенно нивелировалась. Тем не менее из всех караимов Российской империи, зарегистрированных Первой Всероссийской переписью 1897 г., 21 % своим родным языком признали русский язык, а 70 % – язык караимский; оставшиеся 9 % являлись носителями других языков (турецкий и пр.) [13; 15]. Что касается общего числа представителей иудейских общин Таврической губернии, то на типично народном «еврейском жаргоне» (идише) говорило 55 тыс. 336 муж. и жен. (91,1 %); на караимском языке – 3 тыс. 299 муж. и жен. (5,4 %); на русском – 2 тыс. 058 муж. и жен. (3,4 %); на других языках – 59 муж. и жен. (0,1 %) [15].

Переписью 1897 г. учитывался и такой показатель, как грамотность: среди караимов Таврической губернии насчитывалось 3 тыс. 608 чел., обученных грамоте (1 тыс. 976 муж. и 1 тыс. 632 жен.), при этом своим родным языком русский признали 484 чел. (231 муж. и 253 жен.; из них грамотных – 174 муж. и 174 жен.), что составило 7,9 % от их общего числа; на караимском языке в Таврической губернии разговаривали 5 тыс. 603 чел. (2 тыс. 563 муж. и 3 тыс. 040 жен., из них грамотных – 1 тыс. 771 муж. и 1 тыс. 442 жен.), а на «лешон туркит» (т.е., турецком языке) – 67 чел. (38 муж. и 29 жен.; из них грамотных – 29 муж. и 16 жен.). Кроме того, 3 караима, согласно сведений переписи, своим родным указали другие языки (из них грамотных – 2 муж.). Последние две категории составили 1,1 % от общего числа караимов, проживавших в губернии [15]. В уездах и градоначальствах без городов статистика грамотности караимского населения выглядела следующим образом: при общей численности в 298 караимов (167 муж. и 131 жен.) грамотных среди них было 193 чел. (130 муж. и 63 жен.); русский в качестве родного языка указали 29 респондентов (14 муж. и 15 жен.; из них грамотных, соответственно, 9 муж. и 7 жен.). На караимском языке разговаривали 255 чел. (144 муж. и 111 жен., из них грамотных – 114 муж. и 54 жен.); на «лешон туркит» – 14 чел. (9 муж. и 5 жен.; из них грамотных – 7 муж. и 2 жен.) [15].

Что касается статистики населения по вероисповеданиям, то, в соответствии с данными переписи 1897 г., в Таврической губернии проживало 6 тыс. 166 караимов (2 тыс. 835 муж. и 3 тыс. 331 жен., что составило 0,4 % от общего количества жителей), из них в городах – 5 тыс. 868 караимов (2 тыс. 668 муж. и 3 тыс. 200 жен., или 2,0 %; в том числе, грамотных – 1 тыс. 846 муж. и 1 тыс. 859 жен.; из них указавших родным языком русский – 217 муж. и 238 жен., в том числе, «грамотных по-русски» – 165 муж. и 167 жен.) [15]. В качестве родного караимский язык указали 5 тыс. 348 караимов-жителей городов Таврической губернии (2 тыс. 419 муж. и 2 тыс. 938 жен.; из них грамотных – 1 тыс. 567 муж. и 1 тыс. 388 жен.); турецкий – 53 чел. (29 муж. и 24 жен.; из них грамотных – 22 муж. и 14 жен.); прочие языки – 3 чел. (грамотных – 2 муж.). Лишь 298 караимов (167 муж. и 131 жен.) проживало в уездах (без городов) и градоначальствах [15].

чалствах [15].

По словам члена ТОКДП евпаторийского караимского газзана А.И. Катыка, в конце XIX – начале XX вв. распространение западноевропейских просветительских идей, развитие светского образования среди караимского населения Крыма заметно «отдалило молодежь от религиозного воспитания, каким всегда отличались караимы»; о «развале» национальной жизни неоднократно говорилось на страницах караимской русскоязычной прессы [1, 14]. По замечанию Д.М. Кокизова, караимские молитвенные дома «кенасы», до 1911 г. носившие более традиционное название «синагоги», даже в дни больших караимских религиозных праздников пустовали – «главным образом, потому, что немалое число караимов основательно забыло <...> древнебиблейский язык» [7].

Прогрессивная караимская общественность предпринимала различные меры, направленные на сохранение караимских традиций и культуры. Так, еще в 1876 г. в Евпатории состоялось совещание караимского духовенства и представителей общественности, на котором обсуждался вопрос о необходимости религиозного воспитания караимской молодежи; делегатами совещания был даже принят устав об обязательном преподавании детям женского пола древнееврейского языка и караимского вероучения [11].

Важным элементом в этом процессе стало издание современной учебной литературы и внедрение в программы русско-караимских учебных заведений типично народных «караимских» дисциплин. Одним из первых шагов в этом направлении стал просветительский проект духовного главы караимов Таврического и Одесского караимского гахама С.М. Панпулова и просветителя И.И. Казаса (автора нескольких учебников древнееврейского языка), представленный ими в Министерство народного просвещения (МНП) в 1881 г. Проектом предлагалось включить в программы гимназий, прогимназий и реальных училищ такой предмет, как древнееврейский язык, для изучения его учащимися-караимами, начиная с приговорительного класса и до конца курса, а также введение этого предмета в программы реальных училищ с приговорительного и до выпускного класса. Одним из доводов авторов проекта стал тезис о том, что, по их глубокому убеждению, «без изучения древнееврейского языка через 2–3 поколения вряд ли найдется кто-либо среди караимов и евреев, «сколько-нибудь основательно знающий еврейский язык» [12]. В общих чертах проект был одобрен МНП: 13 ноября 1881 г. караимам, обучавшимся в гимназиях, прогимназиях и реальных училищах разрешалось посещать уроки древнееврейского языка «в свободное от обязательных уроков время» [3, 12]. Исключением стал пункт о замене древнегреческого языка древнееврейским – на это предложение учебное ведомство ответило категорическим отказом. Тем не менее основная цель проекта была достигнута.

Впоследствии ТОКДП выступило еще с одной инициативой: о введении в программы гимназий и прогимназий Таврической губернии такой дисциплины, как

«караимское вероучение». На съезде представителей караимских общин, состоявшемся в Евпатории в августе 1897 г. (на него были приглашены по два депутата от каждой общины), обсуждались следующие вопросы: о предоставлении возможности всем караимам, обучавшимся в различных учебных заведениях, изучать древнееврейский язык и «караимское вероучение»; о разрешении издания рукописей средневековых караимских авторов и сочинений, касающихся караимской истории; кроме того, был поднят вопрос об изменении существовавших караимских молитв и внедрении практики хорового сопровождения во время богослужений в кенасах [5, 6, 8].

Важной вехой в истории развития российской государственной системы караимского народного образования следует назвать решение Таврического и Одесского караимского гахама С.М. Панпулова, согласно которому с начала 1896/1897 учебного года преподавание древнееврейского языка и «караимского вероучения» во всех караимских учебных заведениях должно было вестись только на русском языке. С целью русификации учебного процесса в караимских школах и училищах в 1895 г. И.И. Казасом был переиздан «Практический учебник древнееврейского языка для караимских училищ», переведенный автором на русский язык. Таким образом, в конце XIX в. русский язык был окончательно утвержден в качестве основного языка преподавания в караимских учебных заведениях Таврической губернии.

Что касается ходатайства о введении преподавания древнееврейского языка и «караимского вероучения» в программы общеобразовательных учреждений вновь поданного ТОКДП, то оно также получило одобрение в учебном ведомстве. В частности, распоряжением Главного управления МНП разрешение на преподавание «Закона Божия караимского вероисповедания» было дано для Евпаторийских женской казенной гимназии и мужской прогимназии. На преподавание «караимского вероучения» отводилось 2 урока в неделю во внеурочное время; плата за учение составляла от 10 до 15 руб. с человека; при этом преподавателю полагалось годовое жалованье в размере 300 руб., надзирателю – 100 руб. из сумм, поступивших «за учение» [4]. Программы по указанному предмету ежегодно составлялись и утверждались непосредственно в ТОКДП. А с открытием в 1895 г. в Евпатории Александровского караимского духовного училища (АКДУ) стала осуществляться планомерная подготовка квалифицированных педагогических кадров и караимского духовенства, привлекавшихся к преподавательской деятельности в учебных заведениях Таврической губернии.

Программы древнееврейского языка и «караимского вероучения» в русско-караимских училищах являлись обязательными для изучения и составлялись с учетом возрастных особенностей детей. Например, воспитанники двухклассного Евпаторийского РКМУ, состоявшего из пяти отделений (два отделения в первом классе и три – во втором), следовали такому учебному плану: в первом отделении первого класса шло обуче-

ние чтению и письму; во втором начиналось «приучение учеников к плавному механическому чтению» и обучение переводу с древнееврейского языка на русский язык и с русского на древнееврейских фраз из первых семи параграфов учебника И.И. Казаса «Лерегель Гайладим», т.е. «Руководство для детей», «с заучиванием относящихся к ним слов». В первом отделении второго класса учащиеся начинали изучение ТаНаХа (перевод Книги Бытия); по грамматике продолжалось штудирование учебника И.И. Казаса (§§ 8–24), выражавшееся в устных и письменных упражнениях с заучиванием различных слов. Во втором отделении второго класса ученики переводили из ТаНаХа Книгу Исхода, Книгу Левит и Книгу Числа; по грамматике они продолжали изучать учебник (§§ 25–34). В третьем отделении воспитанники осуществляли перевод Книги Второзакония (а при успешном изучении последней – и Книги Пророков: «от Иисуса Навина и далее») и заканчивали курс древнееврейского языка по указанному учебнику (§§ 35–44) с усвоением девяти басен в прозе, заключающихся в этих параграфах, кроме того, преподаватели проводили с будущими выпускниками устные беседы о главных догматах караимской религии (причем велись эти беседы на русском языке) [8].

Однако вскоре педагогам пришлось столкнуться с определенными трудностями. Газзаны С. Дубинский и С.М. Нейман, преподававшие древнееврейский язык и «караимское вероучение» в Евпатории, признавали результаты обучения неудовлетворительными. Они отмечали в своем докладе С.М. Панпулову, что практически все караимы, обучавшиеся у них по этим предметам, «не были знакомы ни с Законом Божиим, ни с древнебиблейским языком», в связи с чем С. Дубинский даже попросил ТОКДП об освобождении его от занимаемой учительской должности [4]. Причина подобного состояния дел, по мнению И.И. Казаса, заключалась в том, что оценки, выставлявшиеся по этим дисциплинам, в глазах детей не имели того решающего значения, «какое имеют отметки по другим учебным предметам». Поэтому С.М. Панпулов (при поддержке И.И. Казаса) выступил с очередным ходатайством в МНП об «уровнении отметок по караимскому вероучению <...> со значением отметок по другим предметам». В сентябре 1901 г. замминистра народного просвещения И.В. Мещанинов уведомил попечителя Одесского учебного округа об удовлетворении этого ходатайства [4].

Следует отметить, что предпринятые меры кардинально ситуацию не улучшили – преподавание древнееврейского языка и «караимского вероучения» в общеобразовательных учреждениях Таврической губернии ожидаемых результатов не приносило. Ситуация осложнялась и общим кризисом государственной системы народного образования «инородцев», приведшим к очередной реформе в 1907 г. «Правила о начальных училищах для инородцев», принятые в 1907 г. существенно изменили программу обучения в русско-караимских министерских училищах. Новый документ гласил: «Учебными предметами в училищах для инородцев служат: «Закон Божий» или соответствующее вероуче-

ние, родной язык учащихся, русский язык (разговор, чтение, письмо), арифметика и пение, а в двухклассных училищах, сверх наименованных предметов, приходятся: русская история, география, естествоведение, черчение и начало геометрии» [9]; дисциплины богословского характера должны были преподаваться на языке богослужения (в случае с русско-караимскими министерскими училищами – на древнееврейском). Учителями и учительницами в училищах для «инородцев» могли состоять лица, имевшие соответствующее учительское звание, а также представители той или иной этноконфессиональной общности, для которой данное училище было учреждено, а также русские, владеющие родным языком учащихся. Согласно п. 12 «Положения», для преподавания вероучения приглашались как духовные лица, так и светские учителя соответствующего вероисповедания, имевшие надлежащую подготовку.

Ассимиляторская политика русского правительства привела в конечном итоге к тому, что караимы все активнее втягивались в русло общероссийских преобразований. «В силу влияния мощной русской культуры, в силу экономической необходимости для большинства караимов, – писал журнал «Караимская жизнь» в 1911 г., – с ростом грамотности русский язык стал вытеснять татарский, и в настоящее время смело можно сказать, [что] он является «родным языком» молодого караимского поколения» [13]. Этот факт был отмечен и делегатами I Общенационального караимского съезда, состоявшегося в Евпатории в ноябре 1910 г. [9]. От караимских интеллектуалов в адрес ТОКДП поступали предложения о том, чтобы между правлением и караимскими общинами официальная переписка велась только на русском языке; духовное правление, по мнению некоторых активистов просветительского движения, должно было принять меры к тому, чтобы на русский язык была переведена вся караимская религиозная и учебная литература [7]. Следовательно, можно утверждать, что уже в начале XX в. русский язык стал для караимов языком межэтнического общения, хотя внутри караимской общины еще преобладал язык караимский [13], но постепенно вытеснялся русским.

Отметим также, что работа по подготовке мероприятий, связанных с модернизацией системы караимского народного образования, продолжалась и после съезда. Так, в 1912 г. преподаватель Константиновского реального училища в Севастополе М.И. Казас, состоявший в то время председателем школьной комиссии, предложил местной караимской общине план действий по упорядочению и реформированию конфессиональных школ, что и было одобрено членами местной караимской общины. В частности, М.И. Казасом было предложено организовать работу комиссии по подбору преподавателей караимских дисциплин в караимские учебные заведения [17]. Однако все мероприятия по реформированию системы караимского народного образования были приостановлены в связи с начавшейся в 1914 г. Первой мировой войной.

Таким образом, анализируя представленные

материалы, можно сделать вывод о том, что новый импульс в своем развитии крымская караимская община получает вслед за присоединением Крыма к России, после чего первая половина XIX в. проходит для караимов под эгидой борьбы за свои гражданские права. В результате принятия целого ряда правительственных постановлений караимское население было уравнено в правах с титульной нацией империи. В этот же период в караимскую общину активно проникают идеи западноевропейского просвещения, что находит живой отклик среди караимских интеллектуалов, активно содействовавших проведению образовательных реформ. Стратегической линией правительства в этом вопросе стал курс на интеграцию национальных меньшинств в российское языковое и культурное пространство. К числу российских «инородцев» были причислены караимы, для которых вскоре были созданы учебные заведения нового типа, преследовавшие основную цель – распространение русского языка и русской образованности. Тем не менее одним из важных компонентов в программах караимских учебных заведений дореформенного и пореформенного образца оставался религиозно-философский компонент. Именно благодаря этой составляющей караимам, интегрировавшимся в российские общественные институты, в течение нескольких десятилетий удавалось сохранять этническую и конфессиональную идентичность и культурно-историческую память, не утратив при этом национального самосознания.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вокруг съезда // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 1, июнь. С. 85–86.
2. Государственный архив в АР Крым (ГААРК). Ф. 241. Оп. 1. Д. 728. Л. 15 об.
3. ГААРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 299. Л. 13, 13 об.
4. ГААРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1414. Л. 57, 60, 76, 78.
5. ГААРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1597. Л. 1–42.
6. ГААРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1599. Л. 1–45.
7. Кокизов Д.М. Русский язык или татарский // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 2, июль. С. 34–36.
8. Летопись. В Евпаторию созываются... [О съезде депутатов от караимских общин] // Салгир. 1897. № 103. 26 августа. С. 3.
9. Первый национальный караимский съезд в Евпатории // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 1, июнь. С. 70–86.
10. Правила о начальных училищах для инородцев. На основании высочайшего повеления 27 октября 1907 года. Утверждены министром народного просвещения П.М. фон Кауфманом 1 ноября 1907 года. // Таврический народный учитель. 1908. № 1–2. С. 1–2.
11. Прик С.А. Беседы о караимстве. Одесса: Центр. тип. Х. Нихамкина, 1902. 127 с.
12. Прохоров Д.А. Просветительский проект караимского гахама С.М. Панпулова – малоизвестный источник по истории народного образования крымских караимов // VII Таврические научные чтения: материалы науч.-практич. конф. г. Симферополь, 19 мая 2006 г. [сб. науч. тр.] / под ред. Е.Б. Вишневской.

- Симферополь, 2006. Ч. 2. С. 63–68.
13. Синани В. К статистике караимов // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 1, июнь. С. 30–37.
 14. Султанов С. Важное начинание // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 1, июнь. С. 87–90.
 15. Таврическая губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1904. Т. 41. 16, 310 с.
 16. Терещук Н.М. Караимская община Севастополя в условиях поликультурного общества (вторая половина XIX – 1920-е гг.): по данным Государственного архива города Севастополя // Культурно-цивилизационный диалог и пути гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений в Крыму: [сб. науч. ст.]. Симферополь, 2008. С. 210–221.
 17. Хроника текущей жизни. Приглашение учителя // Караимское слово. Вильно, 1913. № 7–8, январь-февраль. С. 20.

The work is aimed at a comprehensive analysis of the processes of popular schooling and social development formation with the Crimean Karaites, in context of the ethno-linguistic situation in Karaite communities in the second half of the nineteenth - early twentieth centuries.

Key words: *Karaites education, multicultural society, Taurida province.*